

На правах рукописи

НУРИЕВ Виталий Александрович

**Психолингвистический статус грамматических преобразований
при переводе художественного текста (на материале французского и
русского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

МОСКВА 2005

Работа выполнена в секторе психолингвистики Института языкознания РАН

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор
Юрий Александрович Сорокин

Официальные оппоненты

доктор филологических наук,
профессор
Георгий Теймуразович Хухуни

кандидат филологических наук,
доцент
Сергей Александрович Ромашко

Ведущая организация

Омский Государственный университет

Защита состоится «29» сентября 2005 года в 12 часов на заседании
Диссертационного Совета Д 002.006.03 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора наук при Институте языкознания РАН по адресу:
103009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/12

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания
РАН.

Автореферат разослан «25» августа 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета
кандидат филологических наук

А. В. Сидельцев

2006-4
11673

Предлагаемая работа посвящена изучению проблемы вариативности грамматических преобразований при переводе французского художественного текста на русский язык.

Являясь одним из основных механизмов межкультурной коммуникации, перевод призван обеспечить взаимопонимание представителей разных этнокультурных формаций. Чаще всего речь идет об опосредованном контакте. Таким посредником является текст, причем, в первую очередь, текст художественный - проекция культуры конкретной социоэтнической общности. Художественный перевод обеспечивает реализацию этой функции художественного текста (консолидацию, трансформацию и трансляцию культурного опыта) в новом этно-культурном пространстве. *Художественный текст*, являясь индивидуальной эстетизированной проекцией действительности, несет в себе *информацию о психокоммуникативных поведенческих схемах*, которые могут оказаться близкими конкретному индивиду. Степень проживания поведенческих сценариев может быть выше при восприятии переводного текста, поскольку алгоритмы иной культуры иногда оказываются более значимыми, чем нормы, налагаемые своей. Таким образом, художественный перевод становится способом познания окружающей действительности, представляя собой *взаимодействие психокоммуникативных схем поведения*. Эти схемы, репрезентированные в исходном тексте, восстанавливаются / модифицируются при переводе в том числе и с помощью грамматических преобразований. При этом грамматическая трансформация получает статус механизма (способа) приспособления психокоммуникативных схем, представленных оригиналом. Подобный подход к художественному переводу как психолингвистическому феномену определил **актуальность** данного исследования.

Проведено много исследований, посвященных проблемам художественного перевода. Условно их можно разделить на две больших группы. **Первая группа** исследований носит интралингвистическую направленность: перевод рассматривается как деятельность по перекодированию текста. Он сводится, например, к набору грамматических трансформаций, или к поиску общих сем в содержании оригинального текста и переводного варианта (см.: [Catford, 1965; Jumpelt, 1961; Nida, Taber, 1969; Бархударов, 1975; Ревзин, Розенцвейг, 1963; Рецкер, 1950; Розенцвейг, 1964, Федоров, 1953]). **Вторая группа** представляет перевод как семантический процесс, опосредованный влиянием различных факторов как языкового, так и не языкового свойства. Среди исследований второй группы выделяются те, что подчеркивают культурную составную художественного перевода (его культурно-трансляционную функцию), представляя сам перевод как элемент межкультурной коммуникации (см.: [Fleischmann, 1999; Reiss, Vermeer, 1984; Snell-Hornby, 1988; Vermeer, Witte, 1990; Денисова, 2003; Гак, 2000, Клюканов, 1998; Швейцер, 1988]). Во вторую группу входят и исследования **герменевтической направленности**, которые отводят основную роль категории интерпретации, определяя ее в качестве основы деятельности переводчика (см.: [Malblanc, 1961; Paepcke, 1986; Stolze, 1982; Stoltze, 1992; Галева, 1999; Комиссаров, 1973; Комиссаров, 1999]). К ним тесно примыкают

прагматически ориентированные исследования, которые в качестве доминанты переводческой деятельности выделяют ориентацию на коммуникативную установку автора оригинального текста. При этом цель перевода - воссоздать текст, не уступающий оригинальному произведению по эстетическому воздействию на читателя. Процесс перевода состоит из трех основных этапов: понимание подлинника, его интерпретация, его воссоздание средствами родного языка переводчика. Как правило, осознание коммуникативной авторской установки происходит на этапе интерпретации оригинального текста переводчиком (см.: [Honig-Kussmaul, 1982; Koller, 1992; Левый, 1974; Масленникова, 2004; Торол, 1995]). В рамках этого направления развиваются **психолингвистические концепции перевода**, в которых проводится системное обоснование процесса переводческой деятельности с точки зрения психологии (см.: [Honig, 1993, Пшенкина, 1984; Пшенкина, 1998; Сорокин, 1998, Фесенко, 2001]) Исследования, относящиеся ко второй группе, не отрицают субъективной обусловленности художественного перевода, однако в большинстве случаев связывают ее с личностью автора исходного текста, в то время как влияние личности переводчика на реализацию переводного варианта исследуется реже. В силу недостаточной разработанности данной проблемы **целью работы** является исследование *грамматических преобразований* и их вариативных характеристик (их субъективной обусловленности) при переводе художественного текста. Под грамматическим преобразованием понимается способ восстановления семантики исходного текста с помощью грамматических средств принимающего языка. В работе исследуются наиболее частотные виды трансформаций: замена прилагательного другими частями речи и добавление.

Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач, которые и определяют композицию работы:

- выделить экстралингвистические факторы, определяющие речевую деятельность индивида при переводе художественного текста, что позволяет перевести проблему в психолингвистическую парадигму;
- интерпретировать понятие адекватности художественного перевода в связи с выявлением экстралингвистических и интралингвистических факторов, влияющих на ее достижение;
- исследовать грамматические преобразования с учетом их возможной субъективной обусловленности при переводе художественного текста.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что грамматическое преобразование при переводе обусловлено не только различиями этнических картин мира, проявляющимися в различиях грамматических систем контактирующих языков. Оно может быть обусловлено субъективными установками (мотивами речевой деятельности) переводчика. Во многом это предположение сформировано под влиянием тех концепций, положения которых развиваются в рамках данного исследования. Одним из базовых является положение о

функциональном эстетическом подоби подлинника и перевода, которое признается императивным такими теоретиками перевода, как И Левый и П. Тороп [Левый, 1974; Тороп, 1995] Одним из основных признаков художественного произведения является субъективная обусловленность решения эстетических задач. Авторство переводного текста принадлежит и переводчику: если текст перевода выполняет функцию эстетического воздействия, в решении эстетических задач принимает участие и переводчик. Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что порождение перевода художественного текста является процессом субъективно обусловленным.

Общепризнанным является тот факт, что в переводоведении осуществляется междисциплинарное взаимодействие лингвистики, социологии, психологии, литературоведения, социолингвистики, психолингвистики. Следовательно, исследование в области переводоведения должно носить интегративный характер. Проведение такого исследования требует методологически оправданного заимствования методических процедур и приемов анализа эмпирических данных у смежных парадигм [Сигал, 2004: 27]. Очевидно, например, что настоящая работа может быть выполнена с учетом такой парадигмы лингвистики, как функционализм, который адаптирует категориальный аппарат и методы исследования, применяемые в смежных науках, в соответствии с целями и задачами проводимого исследования. Несмотря на реализацию поставленных задач в рамках доминирующей психолингвистической парадигмы, в ходе представления теоретического и практического материала мы используем понятие языковой системы и иерархии языковых уровней. Это позволяет представить полученные результаты с учетом места исследуемых феноменов в смысловой иерархии текста

Теоретической основой исследования послужил ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов, в которых рассматриваются проблемы отображения окружающей действительности в языке, некоторые вопросы художественного перевода, а также работы, посвященные сопоставительному описанию грамматических систем разных языков. Основными среди них являются труды Л. С. Бархударова, В. Г. Гака, Ж. Делися, В. Н. Комиссарова, И. Левого, В. А. Лукина, Ю. Найды, В. И. Постоваловой, Ю. А. Сорокина, П. Торопа, А. Д. Швейцера, Р. Штольце, В. Е. Щетинкина

Объектом исследования, таким образом, послужили отдельные грамматические преобразования при переводе художественного текста.

Предметом исследования являются закономерности их реализации, обусловленные системой экстра- и интралингвистических факторов.

В качестве **материала исследования** использовались романы Ф. Саган « *Le garde du coeur* », « *Aimez-vous Brahms ?* » и пять их переводов. С одной стороны, выбор данных произведений был обусловлен тем, что язык, на котором они написаны, согласно мнению

литературных критиков отражает современное состояние французского языка. С другой стороны, данные произведения на русском языке представлены тремя и двумя переводными вариантами соответственно, что дает возможность сопоставительного психолингвистического анализа. Анализ проводился по двум произведениям с целью проверки рабочей гипотезы методом взаимной верификации. Первоначально по роману «*Любите ли вы Брамса?*» осуществлялась выборка случаев морфологической трансформации (замены прилагательного другими частями речи) Рабочей гипотезой стало предположение о возможной субъективной обусловленности части выявленных фактов. Гипотеза проверялась путем сопоставления полученных данных с данными, собранными на основе обработки языкового материала по роману «*Ангел-хранитель*». По этому же произведению осуществлялась первичная выборка случаев синтаксической трансформации (добавления) Проводилась верификация полученных выводов путем анализа аналогичного языкового материала по роману «*Любите ли вы Брамса?*». Объектом сопоставительного описания послужили два языка: французский и русский. Всего проанализировано около 7 000 случаев грамматических преобразований (языковой материал отбирался методом сплошной выборки).

Для решения поставленных задач в работе применяется комплекс специальных методов:

1. метод классификации и типологизации, с помощью которого материал подвергался систематизации;
2. метод сопоставительного описания, с помощью которого выявляются особенности морфологического и синтаксического оформления, семантики, функционирования исследуемых единиц;
3. метод контрастного описания, с помощью которого исследуемые единицы одного языка сопоставляются с соответствующими единицами другого языка с целью выявления разного рода расхождений;
4. метод ситуативного моделирования, который служит для воссоздания модели / схемы описываемой в тексте ситуации;
5. методы композиционного и стилистического анализа текста;
6. элементы метода статистической обработки данных.

Научная новизна диссертации заключается в следующих положениях:

- Впервые грамматические преобразования (на морфологическом и синтаксическом уровне) были представлены как *закономерное проявление субъективных установок переводчика* обусловленных комплексом факторов экстралингвистического и интралингвистического порядка;

- Впервые в качестве одного из центральных объектов исследования избрана *грамматическая трансформация добавления*, а также предпринята попытка классификации добавлений на основе сопоставительного описания французского и русского языков;

- Благодаря выбору адекватного объекта сопоставительного описания впервые поднимается *проблема этики художественного перевода* и обосновывается ее возможное решение.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Разнообразные контрастные данные, получаемые от сопоставления параллельного переводческого материала (оригинала и его нескольких переводов), позволяют представить *особенности индивидуальных стратегий перевода*.

- Грамматические преобразования при переводе художественного текста определяются не только различиями грамматических систем контактирующих языков (что отражает различия этнических картин мира), но и *субъективно обусловлены индивидуальными установками переводчика* (влиянием картины мира, сформированной на основе личного опыта).

- Добавление, являясь функционально сопутствующим *компонентом стратегии художественного перевода*, реализует его основные этические и эстетические характеристики и *маркирует смену места мотива в мотивационной иерархии* деятельности переводчика.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в разработке ранее малоисследованного аспекта общей теории перевода и в частичном рассмотрении проблемы поиска дополнительных критериев адекватности переводного варианта. Теоретический интерес представляет и постановка вопроса о соотношении этических и эстетических установок переводчика при осуществлении перевода художественного текста.

Практическая ценность предлагаемого подхода заключается в том, что он позволяет на конкретном французско-русском материале разработать методiku и критерии анализа грамматических преобразований. Материалы исследования и выводы могут найти свое применение в курсе теории и практики перевода, сопоставительной типологии, психолингвистики и теории коммуникации.

Апробация работы проходила в ходе обсуждений исследования в секторе психолингвистики Института языкознания РАН, а также на научных конференциях, в том числе: 3-й и 4-й Всероссийских научно-практических конференциях «Теория и практика германских и романских языков» (Ульяновск, 2002 и 2003); XIV Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: устоявшееся и спорное» (Москва, 2003); 3-й и 4-й Межвузовских конференциях «Межкультурная коммуникация и перевод» (Москва, 2004 и 2005). Основные положения исследования нашли свое отражение в 7 публикациях.

Цели и задачи исследования определили **структуру работы**. Работа состоит из Введения, трех исследовательских частей, Заключения, списка литературы и Приложения, содержащего статистические данные, которые отображаются в таблицах и рисунках.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор объекта и материала исследования, его актуальность и новизна, формулируются цели и задачи, решаемые в работе, характеризуется ее теоретическая и практическая значимость.

В Главе I. «Адекватность перевода как лингвистическая проблема» исследуется проблематика взаимодействия психолингвистики и переводоведения, что реализуется в детальном изучении понятия картины мира как одной из центральных категорий, определяющих деятельность переводчика при осуществлении художественного перевода

Связи психолингвистики и переводоведения реализуются в формировании, изменении и актуализации тех переводческих парадигм, которые отражают включенность процесса перевода в систему иных видов деятельности переводчика. Психолингвистика стремится объяснить механизмы, процессы и результаты перевода, принимая во внимание его психологическую основу и деятельностный характер речесмыслорождения. Это помогает персмыслить многие центральные вопросы, решить проблемы, которые находятся в центре внимания общей и частной теорий перевода. Особую важность приобретает проблема формирования технологий конструирования переводческих объектов (событий, реалий и образов), выявление универсального переводческого алгоритма, расширение методологической базы переводческих операций - все, что приближает теорию перевода к «интерпретативной», то есть то, что включает деятельность переводчика в широкий культурный контекст. В ее рамках представляется возможным определить операционный характер таких понятий, как сюжет и фабула, сильные позиции (смысловые вехи) и ключевые слова, значение, смысл и представление, ситуация референтная и текстовая, ментальные пространства автора, читателя и текста в их взаимодействии в реальных переводческих процессах. Такое взаимодействие детерминировано двумя картинами мира: национальной (этнической) и индивидуальной, которые так или иначе реализуются в исходном тексте и находят свое отображение в тексте-переводе.

Являясь субъективным отражением объективной реальности, картина мира переносит свою двойственную природу на переводческую деятельность, ставя ее в зависимость от факторов, условно подразделяющихся на экстралингвистические и интралингвистические. К первым относятся различия двух опосредованно контактирующих при переводе культур; индивидуальное ментальное пространство переводчика, его личностные характеристики, которые определяют процесс перевода на всех его стадиях. Вторые предстают в форме текстологически и грамматически образующих факторов перевода. Переводчик воспроизводит семантику исходного текста, полагая в зависимость от принципов организации текста оригинала, и создает новый текст, который должен отвечать нормам родного языка - лишь так

текст сможет эстетически воздействовать на читателя. Проблема достижения адекватности перевода художественного текста обусловлена сложной природой данного феномена, находящегося в зависимости от целого ряда факторов как интралингвистического, так и экстралингвистического характера, что, несомненно, воплощается в специфике деятельности переводчика, которая и определяется этими факторами. В частности, их влияние реализуется в форме разного рода грамматических преобразований.

В Главе II. «Транспозиция прилагательного и проблема достижения адекватности художественного перевода» предпринимается попытка описания грамматических трансформаций замены прилагательного другими частями речи с учетом всего спектра факторов экстралингвистического и интралингвистического характера, определяющих степень адекватности перевода.

Было установлено, что замена прилагательного существительным определяется следующими факторами (Adj → N):

1) влиянием семантики именного компонента атрибутивной группы (наличие семы одушевленности), а также присутствием аффективного компонента в семантическом объеме самого прилагательного:

J'ai horreur de ces types costauds, virils, avec des idées saïnes. je -Терпеть не могу всех этих здоровяков с накаченными мышцами и правильным подходом к жизни (Ч)
-Ненавижу всех этих здоровяков, мужественных, здравомыслящих (Ж)

2) наличием субъективно-оценочного компонента в семантической организации прилагательного, выступающего в функции предикативного определения:

j'étais assez honteux en me réveillant с самого утра я испытываю ужасное чувство стыда (Ч)
сегодня утром, когда я проснулся, мне стало очень стыдно (Ж)

3) особенностями реализации прилагательного в функции предикатива к объекту:

Tu me crois très égoïste, Paule ? Значит, по-твоему, я такой эгоист? Да, Поль ?(Ч)
Ты Поль, очевидно, считаешь меня чудовищным эгоистом (Ж)

4) отсутствием в русском лексиконе адъективированного элемента, равноценного в семантическом плане:

Si jeune si beau et infirme, quel dommage !

Какая жалость, такой молодой, такой красивый и калека ! (Ч)

Как жаль, такой молоденький, такой красавец - и калека ! (Ж)

5) зависимостью от общего контекста, возможностью реализации замены в качестве средства когезии (в форме развития художественного образа межличностных отношений), влияющего на адекватность целостности текстуального континуума:

agenouillée dans la vitrine

.стоя на коленях в витрине (Ч)

коленипреклоненная (Ж).

6) индивидуальным опытом переводчика:

Il avait dit « Je ne sais pas. » à voix presque basse et d'un air mystérieux

Это «не знаю» он сказал почти басом, да еще с таким загадочным видом (Ч)

Он сказал «не знаю» низким голосом, с таинственным видом (Ж).

Замена прилагательного русским наречием (Adj → D) обусловлена следующими факторами:

1) наличием в атрибутивной группе наречия, выражающего интенсивность:

C'est plus évocateur

Так будет выразительнее (Ч)

Так будет более броско (Ж)

2) присутствием в непредикативной атрибутивной группе определенной лексемы (например, лексемы *voix*), в сочетании с которой реализуется значение прилагательного:

dit - il d'une voix rêveuse

мечтательно произнес он (Ч)

. мечтательно произнес он (Ж)

3) заменой при переводе стержневого существительного глаголом (как следствие, зависимое прилагательное трансформируется в наречие):

c'était un silence volontaire

он молчит намеренно (Ч)

...молчит он неспроста (Ж)

4) реализацией вторичной функции прилагательного – функции предикативного определения; прилагательное, являясь именной частью составного сказуемого, тяготеет к замене наречием:

Il est normal que tu en parles

Естественно, ты о них только и говоришь (Ч)

Естественно, ты о них и говоришь (Ж)

5) обособленной позицией определения, что ведет к проявлению двупланового характера связи определительное значение нередко совмещается с обстоятельственным:

Il la regardait, immobile

- Стоя у машины, он молча смотрел ей вслед (Ч)

- Он смотрел ей вслед, неподвижно стоя у машины (Ж)

Замена прилагательного глаголом при переводе (Adj → V) определяется следующими факторами:

1) реализацией прилагательного в функции предикативного определения в конструкциях, где подлежащее характеризуется наличием семы одушевленности.

elle était toute gale ensuite

..она заметно повеселела (Ч)

она сразу повеселела (Ж)

2) реализацией прилагательного как компонента глагольно-именного сказуемого, где в семантическом объеме подлежащего также наличествует сема одушевленности:

Ils resturent un instant immobiles

На минуту оба замерли (Ч)

С минуту оба не шевельлись... (Ж)

3) влиянием семантики именного стержневого компонента атрибутивной группы, норм сочетаемости ее компонентов в принимающем языке:

Je suis avocat stagiaire

Я прохожу стажировку у адвоката (Ч)

Я стажируюсь у адвоката (Ж)

4) влиянием законов семантической логики:

Il gardait les yeux clos

Он все еще не открывал глаз (Ч)

Он все еще не открывал глаз (Ж)

В Главе III. «Трансформация добавления и проблема достижения адекватности художественного перевода» предлагается классификация добавлений на основе сопоставительного описания французского и русского языков. Здесь определяется значение данного переводческого преобразования в общей стратегии реализации адекватного варианта при переводе художественного текста. Добавления - наиболее частотные преобразования при переводе (см. Таблица 1-2). В самом общем виде их можно охарактеризовать как явление лексико-грамматического порядка. Лексическими они становятся потому, что в большинстве своем связаны с расширением лексического объема переводного текстового отрезка, а отнесение их к грамматическому уровню обусловлено тем, что, как правило их появление

сопровождается частичным или полным изменением синтаксической структуры (за исключением некоторых случаев). Выделяется три общих случая добавлений:

- добавления с расширением лексического и смыслового объема;
- добавления с расширением смыслового объема;
- добавления с расширением лексического объема

По функциональному основанию (в зависимости от функций добавления в переводном тексте, коррелирующих с основными мотивами деятельности переводчика) выделяются четыре основных группы добавлений:

- компенсаторные добавления;
- интерпретативно-ситуативные добавления;
- сюжетно-фабульные добавления;
- формальные добавления.

I. Компенсаторные добавления возникают в результате воздействия механизма компенсации. Он приводит к появлению в переводном тексте формально невыраженных семантических элементов оригинала. Эти элементы могут относиться как к лексике и грамматике, так и к стилистике. Компенсаторные добавления подразделяются на:

- лексико-семантические;
- грамматические;
- стилистические.

Таблица 1
Грамматические трансформации
(на материале романа *Aimez-vous Brahms?* и его двух переводов)

	замена прилагательного другими частями речи		добавления		другие виды трансформаций		общее количество трансформаций	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Черноситова Т.	255	11,49	1617	72,84	348	15,68	2220	100
Жаркова Н.	288	13,54	1515	71,23	324	15,23	2127	100

Таблица 2
Грамматические трансформации
(на материале романа *Le garde du coeur* и его трех переводов)

	замена прилагательного другими частями речи		добавления		другие виды трансформаций		общее количество трансформаций	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Новикова А.	283	25,92	491	44,96	318	29,12	1092	100
Татко Л.	199	20,08	500	50,45	292	29,47	991	100
Залогина Е.	251	20,39	655	53,21	325	26,4	1231	100

1. **Лексико-семантические** добавления характеризуются появлением в переводном варианте отдельных лексем и словосочетаний, а также изменением их первоначального семантического наполнения. Здесь выделяются:

- **Семантико-эллиптические** добавления возникают при переводе словосочетаний и предложений, в структуру которых входит «семантический эллипсис». Семантический эллипсис – это подразумеваемый в речи, на определенном ее отрезке знак, который фигурирует в предшествующем или последующем контексте. Конструкции, содержащие такой семантический эллипсис, получили обозначение конструкций с «уместным словом». При переводе опущенные в исходном языке «уместные слова» нередко подвергаются «восстановлению». Когда конструкции с семантически эллиптическими элементами вводятся в художественное повествование, они становятся частью сверхсложных предложений (фраз). Эти фразы представляют собой трудность для перевода с сохранением исходной синтаксической структуры. Эллиптические конструкции разворачиваются до словосочетания, а иногда и предложения в переводных вариантах, что указывает на обязательность семантико-эллиптических добавлений.

Dans les phares surgi comme un fou ou plutôt comme un de ces mannequins de paille disloqués que j'avais vus en France dans les champs, un homme se jetait vers nous

В свете фар возник какой-то чудак, ни дать ни взять - соломенное тугало, - я видела такие на полях Франции. Он метнулся наперерез нам (Н)

В свете фар, шатаясь, как лунатик, или скорее как одно из тех подвешенных соломенных чучел, которые я видела во Франции, на нас ринулся человек (Т)

В свете фар мелькнул силуэт. Он походил на сумасшедшего, а еще больше на соломенное чучело, вроде тех, что во Франции выставляют вдоль полей. Человек метнулся наперерез машине (З)

- **Родо-видовые добавления** - одноуровневые переводческие преобразования, характеризующиеся процессами генерализации и конкретизации. Генерализация нередко определяется лакунизованностью исходной лексики, то есть, отсутствием обозначения культурной реалии исходного языка в принимающем языке и является обязательной трансформацией. Иногда конкретизация предметных имен наблюдается при переводе предложения с общей эмоционально-оценочной модальностью. Преобразование носит факультативный характер в силу его субъективности. В большинстве случаев конкретизации подвергаются глаголы речевого действия (*dire*), глаголы общего значения типа *être*, глаголы

движения. Изменение родо-видовых отношений между оригиналом и переводным вариантом носит облигаторный характер, поскольку узуально и нормативно обусловлено.

Vous êtes assez grande, dit Lewis avec raison

- Вы уже достаточно взрослая, - справедливо заметил Льюис (Н)

- Ты уже большая девочка, - достаточно твердо

заявил Льюис (Т)

- Ты уже достаточно взрослая, резонно возразил Льюис (З)

- **Контекстуальные добавления** возникают в результате расширения тема-рематических отношений путем воспроизведения информации на определенном текстовом отрезке независимо от оригинального микроконтекста. Предполагаемой причиной возникновения контекстуальных добавлений можно считать попытку выстраивания переводчиком системы дополнительных текстообразующих связей в виде подобных преобразований, что указывает на их субъективность. Однако, несмотря на субъективную обусловленность можно сделать вывод о значении этого рода добавлений для восприятия текста читателем, так как они обеспечивают такое оформление переводного текста, которое ведет к его подсознательной идентификации не как объекта чужеродной культуры, а как элемента своего культурного пространства. Это говорит в пользу облигаторности данного типа добавлений.

Le jour J était arrivé, nous filions à 140 vers ma modeste demeure, à deux heures du matin

И вот этот момент наступил. два часа ночи, на спидометре 150, впереди мое скромное жилище (Н).

День Икс наступил: в два часа ночи мы неслись по огибающему океанский пляж шоссе в мою скромную обитель (Т)

Наступал день «икс», и мы со скоростью сто пятьдесят километров в час мчали в сторону моего дома. Было уже два часа ночи. (З)

2. **Грамматические добавления** названы так ввиду возможности классифицировать их как явления грамматического порядка. Они определяются различиями грамматического строя двух взаимодействующих языков, их грамматическими нормами, влиянием определенных грамматических процессов. Грамматические добавления подразделяются на:

- **Семантико-грамматические** добавления - преобразования, компенсирующие определенную грамматическую единицу оригинала путем ее выражения лексическими средствами со сходной семантической нагрузкой в переводном тексте. В русском языке подобные элементы отсутствуют, что указывает на необходимость добавления. Функциональная

нагрузка подобных элементов часто выражается, например, в их способности соотноситься с синтаксическими блоками большой протяженности (предложение, фраза), которые сильно удалены в пространстве текста. Следовательно, чтобы избежать нежелательной двусмысленности, переводчик вынужден прибегать к добавлениям

C'est étrange comme la mort de quelqu'un de superficiel vous choque plus que la mort de quelqu'un de sérieux Je ne pouvais pas y croire

Странно, но иногда смерть маленького человека потрясает сильнее, чем смерть знаменитости Я не могла в это поверить (Н)

Странно, почему смерть легкомысленного человека потрясает сильнее, чем смерть более цельной личности? Я не могла заставить себя поверить (Т).

Это странно, но смерть заурядного человека потрясает сильнее, чем когда умирает крупная личность Я не могла поверить, что Фрэнка больше нет (З)

- **Словообразовательные** добавления возникают в форме присоединения словообразовательных элементов к первичной (корневой) основе, полученной в результате перевода исходной лексемы. Подразделяются сообразно способам словообразования на две основных подгруппы: *аффиксальные* (добавляется префиксальные и суффиксальные компоненты) и *композицы* (добавляется корневая основа). Облигаторное присоединение отдельной основы имеет место, когда это является оптимальным способом компенсации фоновых знаний, предположительно не известных русскому читателю. Такое добавление необходимо, если сама стержневая лексема, к которой присоединяется словообразовательный компонент, изолированно не употребляется в русском языке. Аффиксальные добавления носят облигаторный характер при переводе глаголов, когда аффикс компенсирует в переводе опущение лексической единицы просторечного стиля, а также когда это диктуется языковым узусом

Il essayait pour de bon de se trouver une maison à lui

В-третьих, он должен как можно скорее подыскать себе жилье (Н)

З Он начинает подыскивать жилье (Т)

З Обещает приискать себе дом (З)

- **Синтагматические** добавления возникают на основе реализации присловной подчинительной связи, предопределяемой не синтаксической позицией слова в предложении, а самим словом Употребление одной части словосочетания в переводе ведет к употреблению другой части И знаменательное слово, и слово зависимое могут провоцировать возникновение

добавления Его реализация зависит от лексико-грамматических сочетаемостных свойств мотивирующего слова. В качестве слова, провоцирующего добавление, выступает как существительное, так и прилагательное, и глагол. Как правило, словосочетание, где наблюдается синтагматическое добавление, характеризуется сильной присловной подчинительной связью (управлением). Данный тип добавлений является облигаторным.

Le lendemain donc, je m'agitai un peu dans les studios parlai d'un jeune homme au physique d'ange récoltai quelques remarques ironiques et un rendez-vous pour Lewis

Итак, на следующий день я покрутилась на студиях, рассказала о молодом человеке потрясающей красоты, заработала по этому поводу несколько шпилек и договорилась о пробе для Льюиса (Н)

На следующий день я обошла все студии, рассказывая о молодом человеке ангельской внешности, и, собрав коллекцию ехидных замечаний, договорилась о встрече для Левиса (Т)

На следующий день я всем на студии рассказывала о молодом человеке с ангельской внешностью. Мне пришлось выслушать несколько плоских шуток, но зато удалось заручиться приглашением для Льюиса (З.)

- Структурные добавления возникают в случае изменения синтаксической структуры предложения. Часто наряду с изменением структуры предложения наблюдаются частеречные замены. Изменяется и синтаксическая функция слова, подвергшегося транспозиции, а вместе с ней и отношения *субъект - предикат*. В некоторых контекстах это необходимо и может расцениваться как отражение ментальных характеристик русского человека. Например, обезличивание субъектно-личных конструкций при описании внутреннего (эмоционального) состояния указывает на особенности категоризации окружающей действительности русским человеком. Подобным образом проявляется не прямое, но косвенное вживание в происходящее, то есть его оценка не как результата волевых изъятий личности, а как естественного хода событий, в котором человек не всегда является действующим субъектом. Такие преобразования могут рассматриваться как обязательные. С их помощью переводной текст получает свое органическое оформление, следуя нормативным установкам русского языка.

Il tendit la main, toucha mes cheveux d'un geste hésitant et brusquement je craqua!

Он протянул руку, как-то осторожно, с неуверенностью коснулся моих волос, и тут меня прорвало (Н.)

Он нерешительно коснулся моих волос, и тут я

не выдержала, что-то во мне сломалось (Т.)
Он протянул руку и неуверенно провел по моим
волосам И тут что-то во мне оборвалось (З)

3. Стилистические добавления классифицируются как явления, которые можно отнести к предмету изучения стилистики языка. Они возникают как результат стилистически своеобразного оформления текста, под влиянием языкового узуса, стилистических нормативных предписаний и индивидуальных установок переводчика. Подразделяются на:

- **Пунктуационные добавления** возникают в результате опущения исходного пунктуационного знака в конце строки (как правило, точки) и добавления нового пунктуационного знака (восклицательного, восклицательно-вопросительного, многоточия), изменяющего стилистическую окраску зафиксированного в предложении высказывания. Информативность высказывания увеличивается за счет приращения смысла в виде пунктуационного добавления. Такое добавление становится ограничителем подтекстового пространства в тексте, частично эксплицируя сам подтекст. В большинстве случаев оно может трактоваться как обязательное, так как выделяет интонационную или эмотивную характеристику высказывания в соответствии с конвенционально принятыми в своей культуре коммуникативными сценариями, обеспечивая тем самым адекватное восприятие текста читателем (как, например, в случае добавления восклицательного знака).

Mais Dieu que je haïssais la vie parfois et ses engrenages Но, видит Бог, как я порой ненавижу эту жизнь со всеми ее хитросплетениями! (Н)
Но как же я иногда ненавидела жизнь и ее деяния! (Т)
О Боже, до чего меня порой достает суетность жизни! (З)

- **Узуальные добавления** возникают в форме языковых единиц, употребление которых не диктуется нормативными правилами русского языка, но допускается в соответствии с законами самого развития языка в обществе. Они реализуются на текстовых отрезках, представленных в форме монологической / диалогической прямой речи, косвенной речи либо несобственно-прямой речи. Содержание их связано с описанием ситуаций, аффективно окрашенных (описываются ситуации психоэмоционального напряжения). Это указывает на одну из тех позиций в тексте, где вживание в образ героя достигает наибольшей интенсивности, что и приводит к реализации узуального добавления (переводчик разворачивает такое высказывание согласно сценариям, принятым в его социальном пространстве). Наиболее частотны случаи, когда узуальное добавление принимает вид наречия или прилагательного-интенсификатора с семантикой абсолютизации типа *просто, совершенно, чистый, полный, блестящий*. Их

добавление ведет к крайней генерализации всего высказывания, что характерно для разговорной речи. Также в качестве узуальных добавлений могут выступать модальные частицы типа *ведь, ну, вводные слова* и словосочетания с семантикой оценки степени достоверности высказывания типа *похоже, кажется, на самом деле*. Еще одним типом узуальных добавлений являются *экспликативные*. Они возникают, когда информацию, обслуживающую определенную сферу жизни человека (например, автомобильное дело) необходимо представить в кодах принимающей культуры. Происходит реализация значимого для представителя данной культуры соответствия. Эти добавления снимают маркировку конечного текста как перевода, следовательно, можно говорить об их обязательном характере.

Il était immobile, aveugle, sourd

Он стоял, не двигаясь, оглохший и ослепший (Н)

Он стоял застывший, слепой и глухой (Т)

Он стоял совершенно неподвижно, слепой и глухой ко всему .. (З)

- Группа **нормативных** добавлений выделяется не в соответствии с языковой нормой вообще, а с точки зрения нормы стилистической, нормативных правил внутренней организации литературно-художественного текста. Такого рода добавления реализуются в качестве средств когезии. Как правило, средства эти представлены различными союзами, союзными предложениями и наречиями типа *а, что ж, тем временем, тем не менее, значит, наконец, похоже*. Одна из причин их возникновения – различия в стилистических нормативных правилах оформления художественного текста. В русской литературной традиции для контактных предложений нехарактерно употребление одного и того же подлежащего, в то время как французский художественный текст допускает это. Нормативные добавления могут возникать под влиянием литературной нормы принимающего языка. В переводных вариантах кроме обозначения фамилии писателя иногда добавляется еще и его имя. На реализацию также может влиять переводческая традиция. В отечественном переводоведении долгое время одной из императивных установок было разделение сверхсложного предложения / фразы на отдельные предложения с целью оптимизации процесса восприятия переводного художественного текста читателем. Это ведет к появлению подлежащего в одном из предложений. Принимая во внимание то, что в большинстве случаев нормативные добавления оптимизируют восприятие переводного текста и его принятие читателем как продукта своей культуры, можно сделать вывод об их обязательности.

Je l'installai confortablement sur mon épaule et je lui caressai les cheveux sans rien dire un long moment

Я уложила его голову себе на плечо и долго ее гладила, ничего не говоря (Н)

Я удобно устроила его голову у себя на плече и долго гладила по волосам, не произнося ни слова

(Т)

*Я прижала его к плечу, гладила по волосам Мы
долго молчали (З)*

II. Интерпретативно-ситуативные добавления возникают как расширение лексического объема текстового отрезка путем субъективной детализации описываемой ситуации (не изменяя ее коренным образом). Интерпретативно-ситуативное добавление реализуется в точке эмпатии, там, где проживание переводчиком описываемой в оригинале ситуации особенно интенсифицируется. Текстовая ситуация становится индивидуализированным прецедентным текстом. В силу своей эмоциональной значимости она влияет на восприятие произведения переводчиком / читателем. Следовательно, реализация интерпретативно-ситуативного добавления происходит на основе интерпретации с целью постижения «художественной правды» исходного текста. И, видимо, лишь путем незначительной детализации / конкретизации этой правды могут быть восстановлены те образы, которые получили отражение в оригинале. Глубина интерпретации предполагает высокую степень эмпатии, а подобное проживание описываемых событий сопровождается бессознательным их совмещением со своим индивидуальным жизненным опытом либо с представлением себя в качестве потенциального действующего субъекта – центральной фигуры референтной ситуации, что в конечном итоге и приводит к их корректировке путем добавления отдельных элементов. В результате необходимость воссоздания «художественной правды» перевода соотносится с необходимостью реализации интерпретативно-ситуативного добавления.

- Celui-là, je le tuerais, dit Lewis, et je sursautai

*- А я его убью, - сказал Льюис, и я поняла, что
если немедленно не соглашусь, то очень скоро
буду присутствовать на похоронах Джея
Гранта, попавшего под грузовик на лужайке
перед собственным домом или случайно
съевшего сэндвич со стрихнином (Н)*

- Я его убью, - пригрозил Левис, и я сдалась (Т)

- Я убью его, - сказал Льюис, и я вздрогнула (З)

III. Возникновение сюжетно-фабульных добавлений сопряжено с изменением общего смысла текста - его фабулы в ее новом сюжетном воплощении при переводе. Сюжетно-фабульное добавление может быть связано с конкретизацией / изменением внешнего образа персонажа (отображение физических данных), его внутреннего образа (психические, индивидуально-личностные характеристики) или выражаться в изменении сюжетного отражения фабулы в форме нейтрализации некоторых композиционно значимых элементов

(например, интертекста). Иногда оно возникает вследствие некорректного отображения традиций страны, соотносимой с референтным пространством текстовой ситуации. Добавления такого рода связаны с изменением референтного пространства, коммуникативной схемы романа. Также может изменяться стержневой поведенческий сценарий главного героя - основа фабульной структуры. Природа таких преобразований носит прототипический характер. Добавление возникает в точке, где эмпатия достигает такой интенсивности, что оригинальный текст перестает выступать в функции регулятора, и переводчик замещает исходные образы собственными в результате наложения своего индивидуального жизненного опыта.

Or, en le regardant ce soir-là, malgré les circonstances je ne voyais en lui qu'un blondinet

Но, не смотря на все, этим вечером он был для меня просто блондинчиком. Причем блондинчиком сорока лет (Н.)

Но, глядя на него в тот вечер, я видела только маленького белокурого мальчика лет сорока. Должно быть, потому, что лицом он напоминал херувима (Т).

Но в этот вечер, вопреки романтическому антуражу, я видела в нем лишь обыкновенного сорокалетнего блондина, не больше (З)

IV. Формальное добавление связано с расширением лексического объема при относительно неизменной смысловой нагрузке. Существует два основных варианта реализации подобных добавлений. *Первый* обусловлен невозможностью по каким-либо причинам найти / употребить единичную лексику при переводе. *Второй* вариант реализации формального добавления, наиболее частотный, связан с так называемой русификацией текста, когда исходной лексеме соответствует парафрастический оборот, употребление которого характерно для русского языка (он может содержать идиоматические выражения). Механизм реализации такого добавления можно объяснить с точки зрения психоэтики. Поскольку средства выражения двух языков не тождественны, переводчику приходится заново искать соответствующие приемы воспроизведения эстетизированной эмоции оригинала в переводном варианте.

et, le surlendemain, vous l'hébergez chez vous, vous l'installez dans votre chambre d'amis et vous lui montez ses repas

а завтра вы забираете его к себе домой, устраиваете в комнате для гостей и кормите завтраками! (Н)

... а через два дня после этого ты привозишь его к себе устраиваешь в комнате для гостей и носишь ему завтраки в постель (Т)

.. а вы берете его под крыло, он спокойно себе живет у вас в гостевой комнате, вы его

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы исследования.

1. Одним из основных экстралингвистических факторов, определяющих речевую деятельность индивида при переводе художественного текста, является взаимодействие национальных и индивидуальных картин мира, предстающих как набор психокоммуникативных поведенческих схем, которые находят свое отражение в тексте оригинала и перевода.

Речевая деятельность индивида при переводе художественного текста определяется и факторами интралингвистического порядка, то есть закономерностями организации взаимодействующих языков.

2. Адекватность художественного перевода, будучи одной из основополагающих установок деятельности переводчика, определяется относительной равноценностью реконструкции семантики оригинального текста. Адекватность переводного варианта попадает в зависимость от соответствия стратегий создания подлинника и текста-перевода. От их смежности зависит функциональное эстетическое подобие подлинника и перевода.

3. Грамматический уровень является одним из самых основных при реализации адекватного переводного варианта. При этом переводческие грамматические преобразования характеризуются вариативностью. Например, большинство замен прилагательного другими частями речи во всех переводах отличаются функционально-семантической адекватностью, то есть реализуются без существенного искажения смысла (несмотря на то, что прилагательное в одном и том же контексте заменяется разными частями речи в разных переводах). Очевидно, это является проявлением субъективной обусловленности конкретного грамматического преобразования. Однако не всегда присутствие в исходном тексте прилагательного влечет за собой его замену другой частью речи при переводе. Русское прилагательное, как и прилагательное французское характеризуется большой значимостью в грамматической системе языка. Видимо, в некоторых контекстах интерпретативный потенциал французского прилагательного возрастает. Общей отличительной чертой таких контекстов является аффективная окрашенность. Они в той или иной степени направлены на выражение субъективной оценки чего-либо. В большинстве случаев замена прилагательного наблюдается тогда, когда появляется возможность моделирования всей ситуации, описываемой в тексте, что осуществляется с привлечением механизмов интерпретации. В результате переводчик сам расставляет акценты, выбирая между объектом ($Adj \rightarrow N$), образом действия ($Adj \rightarrow D$) и самим действием ($Adj \rightarrow V$).

Добавления, наиболее частотные преобразования при переводе, связаны с расширением лексического и семантического объема переводного текстового отрезка. Выделяются четыре

основных вида добавлений: компенсаторные, интерпретативно-ситуативные, информативно-фабульные и формальные.

Компенсаторные добавления носят облигаторный характер за исключением тех случаев, когда они оказываются абсолютно субъективно обусловленными (их реализация мотивируется только субъективными установками переводчика). Облигаторность компенсаторных добавлений раскрывается в том, что с их помощью переводной текст получает свое органическое оформление согласно нормативным установкам русского языка и снижает вероятность своей идентификации как перевода при восприятии читателем.

Интерпретативно-ситуативные и формальные добавления отличаются высокой частотностью. В то же время эти добавления абсолютны, то есть обусловлены субъективными установками переводчика. С учетом того, что основополагающим критерием адекватного перевода является функциональное эстетическое подобие подлинника и перевода, можно рассматривать интерпретативно-ситуативные и формальные добавления как необходимые при переводе художественного текста. Реализация **интерпретативно-ситуативного** добавления происходит на основе интерпретации с целью постижения «художественной правды» исходного текста. И, видимо, лишь путем незначительной детализации / конкретизации этой правды могут быть восстановлены те образы, которые получили отражение в оригинале. Глубина интерпретации предполагает высокую степень эмпатии, а подобное проживание описываемых событий сопровождается бессознательным их совмещением со своим индивидуальным жизненным опытом, что в конечном итоге и приводит к их корректировке путем добавления отдельных элементов. В результате необходимость воссоздания «художественной правды» перевода соотносится с необходимостью реализации интерпретативно-ситуативного добавления.

Формальные добавления в большинстве своем связаны с «русификацией текста», его поэтизацией. Механизм реализации этих добавлений объясняется с позиций психоэстетики. Средства выражения двух языков не тождественны, и переводчик находит приемы воспроизведения эстетизированной эмоции оригинала, отличные от тех, что заданы в нем.

Сюжетно-фабульные добавления возникают в точке, где эмпатия достигает такой интенсивности, что оригинальный текст перестает выступать в функции регулятора. Переводчик замещает исходные образы своими собственными в результате наложения своего индивидуального жизненного опыта. В этом смысле добавление становится категорией этики художественного перевода, то есть категорией внутренней этики переводчика. С одной стороны, необходима высокая степень эмпатии, чтобы восстановить функциональное эстетическое подобие оригинала при переводе. С другой стороны, процесс вживания в определенной мере относится к сфере бессознательного: приращение смыслов неизбежно. Следовательно, необходимо четко определить границы прав и свобод переводчика в индивидуализации

исходного текста. Переводчик имеет право на расширение смыслового объема, минимально конкретизирующее образы, передаваемые оригиналом.

Таким образом, учитывая роль компенсаторных, интерпретативно-ситуативных, сюжетно-фабульных и формальных добавлений, можно сделать вывод, что *добавление – одна из центральных категорий этики и эстетики художественного перевода.*

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Диахронический компонент как фактор развития художественного перевода // Язык. Время. Личность. – Омск: ОмГУ, 2002. – с. 138-141.
2. Психолингвистические аспекты языковых явлений в рамках проблемы достижения адекватности перевода художественного текста: французский язык // Теория и практика германских и романских языков. Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: УлГПУ, 2002. – с. 211-214.
3. Культурный контекст переводческой деятельности // Теория и практика германских и романских языков Материалы 4-ой Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: УлГПУ, 2003. – с. 156-158.
4. Особенности глобализационной репрезентации индивидуального сознания (на материале художественного текста) // Материалы XIV симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание: устоявшееся и спорное». – М., 2003. – с. 190-192.
5. Адекватность перевода как лингвистическая проблема // Вестник ВГУ, № 1, 2003. – с. 80-87.
6. Особенности личности переводчика как одна из доминант художественного перевода // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М; Барнаул, 2003. – с. 257-264.
7. Лакуны: межсистемные несоответствия или пустоты межэтнического пространства? // Проблемы лакунарности. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. - с. 151-157.

№ 15165

РНБ Русский фонд

2006-4

11673

Принято к исполнению 23/08/2005
Исполнено 25/08/2005

Заказ № 990
Тираж: 100 экз

ООО «11-й ФОРМАТ» ИНН 7726330900
Москва, Балаклавский пр-т, 20-2-93
(095) 747-64-70
www.autoreferat.ru